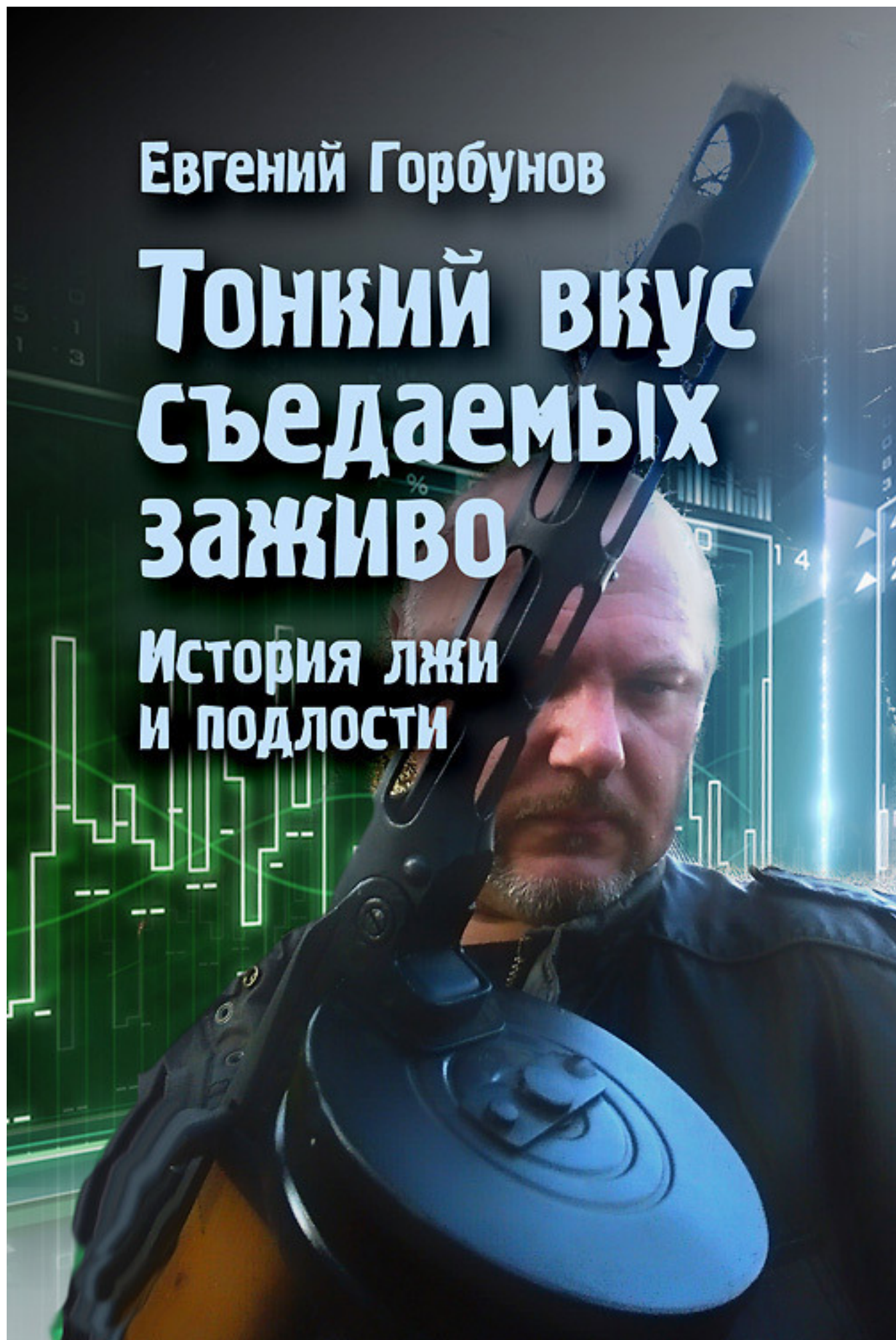

Евгений Горбунов

Тонкий вкус съедаемых заживо

История лжи
и подлости

Евгений Горбунов

**Тонкий вкус съедаемых заживо.
История лжи и подлости**

«Accent Graphics communications»

2015

Горбунов Е.

Тонкий вкус съедаемых заживо. История лжи и подлости /
Е. Горбунов — «Accent Graphics communications», 2015

Ну, вот и все. Все получилось как нельзя лучше. Цифры и индикаторы на мониторах продолжали биться в своей истерике, но, как говорится, камень с души уже упал... Было начало восьмого вечера, москвичи закрылись, а это главное. Постсоветское финансовое пространство засыпало беспокойно-психопатическим сном. Сегодня Саша наконец-то закрыл эту идиотскую «позу» по рублям. Долбаным российским рублям. Открытая не вовремя и по указке, она начала загонять его во все больший и больший минус. В течение двух недель он ждал, анализируя бесконечные вереницы цифр и графиков. Нужно было поймать эту «волну», почувствовать ее приближение. Так, верное, партизан лежит в овраге и пытается почувствовать от мороженой задницей приближение вражеской колонны. И среди тысяч звуков вдруг слышит отдаленный, самый желанный в мире гул. Так вот, эти ребята... И всё. Не то чтобы нарубил бабла – профит тут уже был не причем. Свое отбил и еще чуть-чуть. В качестве компенсации за нервы. Ох, уж эти нервы! Прошло столько лет, как он начал эти хождения в грязных и очень беспокойных водах межбанковского рынка FOREX, который накручивал эти нервы каждый день как часовую пружину. Не те уже нервы. Как флаг боевой – там оборвано, там пробито...

© Горбунов Е., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Горбунов
Тонкий вкус съедаемых заживо.
История лжи и подлости

Теперь он с нами не работает.

Все изложенное здесь является вымыслом. Имена, характеры, места действия, происшествия созданы фантазией автора или используются фиктивно и не должны быть истолкованы как соответствующие реальности. Любое сходство с реальными событиями или людьми, как умершими, так и живущими, случайно.

© Е. Горбунов. г. Днепропетровск 2015

Часть 1

Падение

Ну, вот и все. Все получилось как нельзя лучше. Цифры и индикаторы на мониторах продолжали биться в своей истерике, но, как говорится, камень с души уже упал... Было начало восьмого вечера, москвичи закрылись, а это главное. Постсоветское финансовое пространство засыпало беспокойно-психопатическим сном. Сегодня Саша наконец-то закрыл эту идиотскую «позу»¹ по рублям. Долбаным российским рублям. Открытая не вовремя и по указке, она начала загонять его во все больший и больший минус. В течение двух недель он ждал, анализируя бесконечные вереницы цифр и графиков. Нужно было поймать эту «волну», почувствовать ее приближение. Так, верное, партизан лежит в овраге и пытается почувствовать отморозенной задницей приближение вражеской колонны. И среди тысяч звуков вдруг слышит отдаленный, самый желанный в мире гул. Так вот, эти ребята... И всё. Не то чтобы нарубил бабла – профит² тут уже был не причем. Свое отбил и еще чуть-чуть. В качестве компенсации за нервы. Ох, уж эти нервы! Прошло столько лет, как он начал эти хождения в грязных и очень беспокойных водах межбанковского рынка FOREX³, который накручивал эти нервы каждый день как часовую пружину. Не те уже нервы. Как флаг боевой – там оборвано, там пробито...

«А жалко, что Игореха уже домой укатил», – подумал Саша и открыл нижний ящик стола. Там лежали две коробки. Круглый тубус в оранжевых тонах, кучей надписей и расплывчатым изображением какого-то большого сарая.

Приятно мелькнула цифра «10». «Жаль, что не двенадцать... или даже восемнадцать... нет, неохота... пусть лежит...» – и Саня достал квадратную коробку-кубышку с принтом темно-коричневой бутылки на сером фоне.

«Надо... надо давануть...» – с этой мыслью был извлечен пузырь, приятно порадовавший глаз качеством и руку – весом. С этикетки смотрели вдаль трое интеллигентных мужчин. Взгляд задержался на названии.

– Трес генералос, – не удержавшись, вслух, произнес Саша.

И хотя название звучало немного не так, это было неважно. Важно было расслабиться. Бухануть. Не «залить сливу» до невменяемости, а именно бухануть. Немного, чтоб немного и цепануло. И чтоб вкус приятный. Машину – новенький джип – он утром оставил на стоянке. Сегодня был день рождения у коллеги, и хотелось расслабиться. Но днем наступал финал по закрытию позиции, и он буквально две минуты постоял у стола. Двадцать грамм текилы ниже среднего, бутерброд с балыком, почему-то очень мокрым, пара маслин – ничего как раз маслинки, он все время путал, маслины это или оливки, зеленые или темно-фиолетовые, не вспомнишь, что из них что, и снова за рейтеровское «окно».

– Энуэстро текила... сто «эс», анехо... – слова приласкали слух, и деревянная пробка с приятным глухим звуком возвестила о необратимости процесса.

Саша почему-то оглянулся. В зале он был один. К черту стаканы. Из горла.

– Ну, за всю херню... – небольшой глоток – и жаром текила понеслась к желудку. Вот это да! Мягкая, сладковатая, с неповторимым вкусом фантастическая субстанция через считанные мгновения должна была ударить в издерганный цифрами мозг. И она сделала это! Захотелось закусить. В холодильнике, безусловно, что-то было, но, поразмыслив секунду, Саша решил не опешлять такой приятный аромат какой-нибудь банальной копченой колбасой. Еще глоток и

---

¹ Позиция («поза») – валютная позиция, которая возникает в момент совершения сделки по продаже или конверсии банком одной валюты за другую.

² Профит – прибыль.

³ Рынок FOREX – рынок межбанковских валютнообменных операций.

еще. Он вновь победил, и он достоин. «А все хорошее и есть мечта!..» – завертелась в голове старая песня. В такие моменты, когда ты в конце рабочего дня остаешься один, неприятности уже позади, а лавры нахлынут завтра, возникает внутри такое приятное ломящее чувство любования. Собственным опытом, собственной значимостью. И понимать, что это обман. Все так. Текила и удача, сойдясь вместе, добавляли пафоса.

Еще глоток и хватит. Пузырь в коробку. Коробку в стол. Мысли плавно перемещались в положительном направлении. Пора домой. Или... Тут как бы в продолжение раздался сигнал сообщения мобильного телефона. Пим-пим.

Так, что там? Покерный клуб... изменилось расписание... пятидесятидолларовый турнир начинается в 20–00... Это интересно.

Саша какое-то время смотрел на экран. Созрело решение. Надо бы перезвонить жене, отпроситься, так сказать. Подумав с минуту, Саша начал набирать свой домашний. Сегодня среда, середина недели. Но почему бы и нет. Покер кинет адреналин на «старые дрожжи» как нельзя лучше.

– Алло, привет, это я.

– Да. Привет. Ты где? Еще на работе? – голос жены Татьяны давал понять, что его ждут дома.

– Да, еще на работе... Слушай, Танюшка... тут расписание изменили, сегодня турнир... я успеваю пока. Ты знаешь – хотелось бы сыграть, расслабиться... Тяжело, но все сегодня закрыл. Так я поеду?

– Ну... ну, конечно, поезжай... Все нормально у тебя? – голос отобразил тревогу, он был такой родной, но домой ехать не хотелось.

– Да, да, нормально, – сказал Саша и понял, что время-то поджидает.

– Не задерживайся надолго, – жена волновалась.

– Конечно, обязательно... Меня не ждите – ложитесь спать... Завтра все расскажу, как и что... Пока. Целую.

– Целую.

Ну, теперь все в порядке. Правда, сегодня среда, неизвестно, до скольких затянется этот покер. На работу придется вставать с дурной головой. То ли дело в пятницу или субботу. Но впечатления проверяются на контрасте.

Покер сейчас – самое то.

Саша вызвал такси. Обещали в течение пяти минут перезвонить – быстро предоставить машину. Дилерский зал был пуст. Вдруг в противоположном его конце, у ресурсников зазвонил телефон. Он звонил и звонил, не переставая. Саша подошел к телефону. «На том конце провода безысходность», – мелькнула мысль. Телефон продолжал звонить. Еще звонок, и Саша поднял трубку.

– Алло...

В трубке послышался вздох, на секунду образовался вакуум молчания, и короткие гудки гулом отобразили чье-то разочарование. Саша знал, чье. Вадик Лесной, дилер по ресурсным операциям, сегодня целый день доставал из-под стола пакет и наливал в чайную кружку. Как нигер в Гарлеме. В прозрачной, темного стекла кружке коньяк казался остывшим чаем. И шёл, как всегда, хорошо. Вадику вообще все шло хорошо. Он был алкоголиком и, наверное, сам это понимал. А потом еще этот день рождения. Пассы с пакетом продолжались до самого вечера. Сейчас Вадик, видать, где-то «догонялся», и его искала жена. Она была маленькой, хрупкой женщиной с железными нервами и стальной выдержкой. Вадику с ней повезло.

Саша вернулся на свое место. Подумав, снова достал коробку с текилой. Еще один глоток. Неплохо. Очень даже хорошо. Возникла мысль о кофе. Но ее перечеркнул звонок, возвестивший о том, что «Деу» синего цвета, номер 55–18 ожидает, все такое и счастливого пути. Последний на сегодня взгляд на мониторы. Прыти у цифр не поубавилось. Вовсю долбила

Америка. Пусть долбит. И он начал нажимать на кнопки отключения экранов. Всё. Выходя из зала, Саша глянул в окно. Наискосок было видно окно руководства. Оно светилось. «Какого хрена Дайнечка сидит?..», – вопрос, никогда не находящий ответа, метнулся и растворился в эфире. Через мгновение он уже не думал об этом. Спустившись со второго этажа он, подходя к выходу, сдал под охрану комнату 216. Без печати. В голове уже формировались выигрышные покерные комбинации. «Full House⁴ ... Full House... сюжет этой песни твоя подсказала гитара!..», – щелкнув дверью, он сел на правое заднее сиденье «Деу», выдавшей еще не все виды, но достаточно.

– На Фучика... в «Корсар», – голос Саши был властно-расслабленным.

«Жирует, сука», – подумал водитель и бодро рывкнул:

– Сделаем...

Людмила Николаевна Дайнеко – руководитель межбанковского бизнеса, зампредправления, перспективный руководитель казначейства, заканчивающая второй год на такой высокой должности, сидела отнюдь не у себя в кабинете, как думал Саша, а на большом совещании у председателя правления. Совещание затягивалось. Зампреды и руководители направлений докладывали о результатах работы, вынимая на свет как можно больше совершенных ими подвигов. Они показывали диаграммы и графики, которые красными столбиками кричали, что прогресс есть. Сравнительная статистика с аналогичными периодами хором пела – прогресс немалый. У всех все спорилось. Проблемные вопросы решались. Все хорошо.

Во главе стола для совещаний на самом дорогом в банке кожаном кресле сидел невысокий, хорошо сложенный мужчина. Он слушал доклады но, к удивлению и удовольствию присутствующих, вопросов задавал мало. Его стальной взгляд просто был устремлен в одну точку и не искал жертву.

Плановое совещание шло, но ему было не до этого. Он знал, что его взгляд, его вопросы, само его присутствие вызывает у всех животный страх. Крайне редко пускавший совещания на самотек, он сейчас сделал это. Докладчики с замиранием сердца заканчивали свои доклады, ожидая каверзных вопросов, назначения невыполнимых заданий и наказания. А оно, это наказание, могло последовать мгновенно, хлестнуть по лицу и по карману, а иногда, в последнее время все более часто, рубануть по должности и карьере. И тогда пиши – пропало. А люди-то к деньгам большим привыкли. Вот и тряслись листьями осиновыми. Но пока совещание не закончено – не пронесло. Это как в бою – может убить и последней, и самой шальной пулей.

Человек во главе стола думал о трех миллионах долларов, его личных долларов, с которыми получилась одна небольшая неприятность.

Неприятность надо было как-то исправлять, что сейчас и делалось. Сумма была не такая большая, но он, как руководитель крупного банка, был человеком публичным и боялся, нет, нет, нет... он не боялся и даже не опасался, а ему не был нужен возможный резонанс. Ему должны были позвонить. И сказать, что все в порядке. Как это сделают – ему было все равно. Он дал необходимые указания и ждал только одного результата.

Положительного. Но почему-то волновало. Он посмотрел на часы. Они показывали четверть девятого и ту огромную пропасть, которая разделяла его и всех остальных. Шедевр часового искусства приятно блеснул отточенностью форм и сорока тысячами долларов. Уже должны звонить. Кто-то монотонно бубнит и бубнит.

– ...остались некоторые нерешенные вопросы в Луганском филиале по отделению № 26, но я думаю, что к концу первой декады апреля все будет сделано, – докладчик трещал словами, как скорострельный пулемет.

---

⁴ Full House – одна из покерных комбинаций.

– Почему? – вопрос Председателя плетью щелкнул в воздухе. Повисла тяжелая пауза. Тишина рвала нервы.

– Почему так долго, дожидаться конца этой первой декады – ради чего? – от этих слов у докладчика перехватило дыхание.

– Все сроки в соответствии с протоколом совещания № 143, мы прид-держиваемся...

– Хорошо, дальше.

– По зарп...

– Стоп, – небольшой телефон серебристого металла, лежавший рядом с Председателем, вспыхнул экраном и замычал еле слышным виброзвонком. Взгляд на экран. Это тот, кто должен звонить.

– Да, – жестко протянул Председатель в трубку.

– Это Арсений. Все в порядке. Все сделали.

– Хорошо. Что еще? – в голосе вдруг проскользнула усталость.

– Все.

Нажав кнопку отбоя, он положил телефон во внутренний карман пиджака.

– Дальше.

– У меня все, – выдохнул докладчик.

В воздухе опять повисла густая напряженная тишина. Это была та тишина, которая предшествует обморокам и инфарктам.

Председатель сбился с мысли. Он молчал. И все молчали. Нужно было заканчивать это представление. Не хотелось никого слушать.

– Людмила Николаевна, а что у нас сейчас по операциям Форекс? Какая динамика? – вопрос был неожиданным и заставил нервно искать какой-нибудь ответ.

– Осуществляем операции в пределах позиций, с учетом клиен...

– Все это понятно... Людмила Николаевна, Форекс – это то, что с учетом профессионального подхода может дать банку достаточно серьезную прибыль. Что у нас в данном направлении? Клиентские деньги – это болото... с этим понятно. У вас достаточно профессиональные дилеры... Вы меня поняли, я думаю... – голос Председателя дал под дых пудовым кулаком.

– Да, да, конечно, – Дайнеко почему-то вспомнился Сталин.

– Так, общие вопросы есть?.. – по столу прокатилась радостная волна. – Вопросы есть??? Нет... Закончили!!!

Все с важными лицами начали потихоньку вставать и двигаться на выход из зала совещаний. Секретарь совещания так и не поняла – заносить или не заносить последние слова Председателя в протокол. Тут ее жестом позвал в дверях управляющий канцелярией. Так и не дописав, она устало поднялась и пошла к выходу. Председатель через специальную дверь вернулся к себе в кабинет. Для всех наконец-то этот долгий рабочий день подошел к концу.

Каждый задумался о своем.

– Объединение!

Те немногие, кто остался за двумя покерными столами, начали, как бы нехотя, подниматься. Одни разминали уставшие от сидения мышцы, другие перемещались за первый покерный стол. У многих на лицах сияли улыбки, ну наконец-то! Наконец-то образовался финальный стол. Саша уже сидел за первым столом. Сейчас начнут разыгрывать места.

Саша выбрал одну из протянутых ему карточек. Девятый бокс. Нужно пересаживаться с четвертого. Прекрасно. Он любил этот бокс, хотя сидеть там и не очень удобно. Народ устраивался на своих местах, раскладывал фишки. Один мужчина пристраивал кальян. «Опять этот дымоход», – с раздражением подумал Саша. Другой переставлял столик с едой. Тонко пахло шашлыком. «Не успеет доест, как вылетит... карты жратвы не любят», – впрочем, эта мысль была спорной, но Саша никогда за игрой не заказывал еды. Как бы ни хотелось.

Игра продолжилась. Но карта не шла. Если не семерка с тройкой, то двойка с валетом. Гусарские карты. Пару раз он пытался зайти в игру, колируя блайнд⁵, но сбрасывал после чьего-нибудь рейза⁶. Тем временем определились два чип-лидера, одним из которых был немногословный мужчина с печаткой на руке.

Положение становилось угрожающим. Сашины фишки потихоньку таяли, и надежд попасть хотя бы на последнее из четырех призовых мест становилось все меньше. Сдача за сдачей. Пас. Пас и снова пас. Жилка от шашлыка попала мужчине между зубов, и он тщетно пытался вынуть ее зубочисткой. В какой-то момент он взглянул в свои карты и, цыкнув зубом, двинул от себя горку фишек. Олл ин. В уголке его рта маленьким кровоподтеком краснел соус. Единственная женщина за столом, худая симпатичная брюнетка с печальным взглядом, очень долго не входившая в игру, заколлировала этот олл ин. В ее взгляде скользнуло презрение. Все – пас. Шоудаун⁷. Мужчина резким движением, отбросив салфетку, как при игре в «дурака», ударил картами о стол. Две дамы. Брюнетка, опустив голову, устало перевернула двух королей. Вот уж совпало, так совпало. Несколько напряженных секунд и два короля выигрывают. Мужчина раздраженно доедает салат. Для него этот турнир закончен.

Ждать подходящей карты уже нет никакой возможности. Фишек все меньше и меньше. Сдача. Наклонившись, Саша глянул в карты. Король и тройка бубновые. Колл две тысячи. Невысокий худенький мужчина в очках, очень опасный игрок, повысил до шести тысяч. Мужчина с печаткой отколлировал этот рейз. Что же делать? Неужели это всё? Сбрасывать не имеет смысла.

Опустив голову, Саша принял ставку.

– В игре три человека, – сухо констатировал дилер и развернул флоп.

На стол легли король, еще король и пятерка. Вот это да! Триплет королей!!! Появился шанс. Но Саша был в невыгодной позиции, и его слово было первым.

– Чек, – его взгляд устремился куда-то в прокуренную даль.

Два противника тоже чек. Дилер как в замедленном кино переворачивал карту терна. Дама!

– Шесть тысяч, – произнес Саша и аккуратно поставил фишки перед собой. Его рука заметно дрожала.

– Сколько у вас фишек? – голос мужчины в очках был спокоен.

У Саши их осталось семь тысяч. Мужчина на секунду задумался и произнес сумму повышения. Двенадцать. Двенадцать тысяч. Мужчина с печаткой уравнил.

– Колл двенадцать тысяч? – вопрос звучал как приглашение домой.

Мысли молниями скакали у Саши в голове. «Все!.. финиш... что... что у них?.. и у того, и у другого... может, сэт или фулл хаус... какой нахер фулл хаус?.. может, блеф?.. единственный выход – это тройка... и то... вероятность шесть процентов... или сколько?.. три аута, всего три аута... приехал... все коту под хвост... не ссы... а может, не все так плохо... сбрасывать нет смысла... не ссать...»

– Время! – дилеру нужен был ответ.

– Олл ин! – и Саша встал из-за стола.

Мгновение отделяло его от проигрыша. Но ничего не поделаешь. Всего шесть процентов. Или четыре? Сейчас это уже не важно. Саша выпрямился. Кто-то чиркал зажигалкой. Мужчина в очках отхлебывал кофе из маленькой чашки, он был уверен в себе.

---

⁵ Блайнд – обязательная ставка в покере.

⁶ Рейз – повышение ставки в покере.

⁷ Шоудаун – в покере – раскрытие карт.

И вот он – ривер. Тройка!!! Тройка, тройка, тройка... Простая тройка пик. Саша не смог сдержать улыбки. Это был шанс. Его оппоненты, тем не менее, пошли в олл ин. На столе лежали две приличные кучи фишек.

– Шоудаун. Вскрываем карты, – дилер упорядочивал карты в колоде.

Человек с печаткой показал две дамы. Он был спокоен, уверен и потому перевернул карты самый первый, не в очередь. У него был фул хаус – три дамы – два короля.

– Ну, ты посмотри! – не смог удержать эмоции мужчина в очках и обреченным движением бросил на стол две пятерки. Он проиграл.

Все взгляды были теперь устремлены на Сашины карты. Мужчина с печаткой улыбался. Через мгновение он будет удивлен и удивлен неприятно. Движение руки. Игроки, и без того взвинченные такой сумасшедшей раздачей, взорвались возгласами. Вот это да!!! Король – три. Победа! Так-перетак!

Саша сел за стол. Чтобы ни случилось – он теперь знал – он победит.

Выходя из покерного клуба, Игнатьев был переполнен адреналином победы. Такое случается не часто. Восемьсот с небольшим долларов призовых приятно грели самолюбие. Он так хотел на воздух, что даже не стал в клубе заказывать такси. Наскоро со всеми распрощавшись, он буквально выбежал на улицу из прокуренного помещения. Прохладный, даже холодный ветер наполнил легкие. Боже, как хорошо! Он просто ураганом смел их всех со стола. В обнимку с удачей. Какие карты, какие карты! Красота! Хотелось кричать. Неплохо было бы отметить такое дело, но было уже поздно. Отойдя от клуба, он увидел недалеко оранжевый огонек такси. Сев в машину и назвав адрес, он опять с головой погрузился в свою победу. Негромко играло радио. Вдруг Саша услышал давно забытые аккорды. Это была старая-престарая композиция группы AC-DC «It's a long way to the top».

– Сделайте, пожалуйста, погромче, – попросил Саша.

«Достали вы уже своим «погромче», – подумал таксист и делано-дружелюбно произнес:

– Ща подкрутим...

Звуки ритм-н-блюза лихо закручивались со звуком волынки. Саня был счастлив. И не думал он сейчас, какая тонкая грань разделяет счастье от ужаса и безысходности. Что такую хрупкую субстанцию, как счастье, могут безжалостно сломать и растоптать. И построенный мир рухнет. Безвозвратно.

– Саша вставай... Саша... Давай вставай... – легкое прикосновение к плечу, и глаза нехотя открылись.

– Танюш, еще пять минут... пять... мы все успеем... – Саша перевернулся на другой бок.

Жена вышла из спальни. Из зала слышались звуки телевизора. Сын смотрел мультфильмы. «И охота ему вставать в такую рань смотреть эту ерунду», – иногда задумывался Саша. Но сын просыпался каждое утро независимо от того, будни или выходной, и полчаса смотрел бесконечную повесть про Скуби-Ду. Значит, для него это важно.

Саша повернулся на спину и открыл глаза. Потолок. Надо просыпаться. Вчера был неплохой день и вечер. Сколько же дать жене из призовых? Посмотрим... Ё-мое... Как же не хочется сейчас просыпаться!.. Но надо.

Он поднялся с кровати, и все понеслось по накатанной. Все как обычно. Туалет. Полистал журнал, полный фотографий наших и зарубежных знаменитостей. Все дают откровенные интервью. Такое впечатление, что все это выдумка. Ложь. Так, с туалетом все. Ванная. Ментол зубной пасты.

Бриться не будем. Потому что вчера. Пойдет.

– Я кашу сварила овсяную... и яйца... Все на столе... нам надо поторопиться, – жена пошла в зал торопить ребенка.

– Денни-ис! Собираемся! – ее голос был назидательно-добрым. Саша не очень любил эту овсяную кашу, но желудок шалил и, прислушавшись к рекомендациям, ел ее. Ел постоянно и привык. А вот яйца он любил. Причем в любом виде. Если накрошить в кашу яиц, то вкус можно кардинально изменить в приятную сторону. Он сейчас так и сделал. Каши было много. Утром есть почти не хочется, и он еле ее доел. Выпил чаю. Так, всё, пора идти собираться.

– Доброе утро, командир! – сын Дениска в зале медленно собирался.

– Доброе утро, папа.

Саша шагнул к одежному шкафу. Он любил хорошо одеваться и в отличие от большинства своих коллег и имел не один и не два, а несколько костюмов.

Ценил хорошие галстуки. Вот и сейчас, одеваясь, подумал о том, что надо бы прикупить какой-нибудь новый. Уже даже был один галстучишко на примете. Модный и дорогой. И, конечно, часы. Их тоже было несколько пар. Какие сегодня? Вот эти. Тяжесть металлического браслета приятно почувствовала рука.

Еще несколько минут, и семья Игнатьевых в составе трех человек, пройдя по обшарпанному подъезду, спустилась по еще более обшарпанному лифту с седьмого этажа и, открыв ободранные двери, вышла на улицу. Саша переглянулся с Таней. Год назад был куплен дом в хорошем районе, и сейчас в нем заканчивался ремонт. Они скоро уедут отсюда. Был конец марта, и на улице по утрам гулял холодный ветер. Направились на автостоянку. Вот и машина. Поехали.

Надо было завезти сына бабушке – теще Игнатьева. Лавируя в переменчивом по скорости потоке, останавливаясь на светофорах, нарушая, вырубивая и матерясь, каждый двигался к своей цели. Только что Сашу лихо подрезал «Ланос» с каким-то молокососом за рулем. Рядом, на пассажирском сидении скалился щербатым ртом его товарищ. Пришлось ощутимо резко тормознуть.

– Пидо... – Саша вспомнил, что с ним едет ребенок.

– Ну, ты посмотри, а... две козлятины! – все-таки возмущению нужно было вырваться на свет.

– А что они сделали, пап? – спросил Денис.

– Да они су... – подлый «Ланос» крутился под колесами, доставляя массу неудобств и неудовольствия.

Жена настороженно глянула на Сашу и принялась объяснять ребенку, как двое дядей поступили нехорошо, и так ездить нельзя. И когда он вырастет большой и купит себе дорогой автомобиль, то так делать не будет. Саша, молча, следил за дорогой.

Подъехали к дому Таниных родителей.

– Ну что, командир – пока! Давай там, чтобы было все хорошо, – Саша протянул Дениске руку. – До вечера.

– Пока, папа. Желаю тебе удачи, – и ребенок побежал к двери подъезда.

За ним быстрым шагом шла Таня. Саша остался в машине. Вспомнилась в который раз вчерашняя победа. Включил радио. Одна волна, другая третья... Везде одно и то же – идиотские базары ведущих на утренние темы. Так, еще одна кнопка. Новости.

– Вчера наблюдалось движение войск на грузинской стороне... эскалация напряженности в приграничных районах Южной Осетии... – обрывки дикторских фраз смешивались с помехами.

– Президент России подверг критике действия грузинского правительства...

Кем-то брошенный с балкона тонкий полиэтиленовый розовый пакетик бесновался на ветру. «Если он упадет в лужу – быть войне», – подумал Саша.

Пакет то подбрасывало вверх, то кидало к земле. До единственной во дворе лужи ему было чертовски далеко. «Ну, вот и чудно – миру-мир», – Саша уже, было, собирался переключить внимание на что-то другое, как пакет практически горизонтально рванул над землей

к луже и плюхнулся в самый ее центр. «Неужели все-таки война?» – Саша в душе удивился жестокости случая. Послышался щелчок открываемой двери, и в машину села Татьяна.

Поехали.

– Эти сопли детсадовские невозможно ничем просто вылечить. Три дня ходит – две недели вычихиваем этот кашель и насморк, – Таня была раздражена, – Денису уже неинтересно у мамы. Ему нужен коллектив.

– Да я вроде у него соплей не заметил, – сказал Саша, поворачивая на проспект.

– Сопли есть! – с Таней было бесполезно спорить.

Они через огромную реку пересекли мост, который сразу выплеснул их в центр города. Жизнь кипела. Саша подвез жену к небольшому зданию старой постройки, до сих пор славящему своим архитектурным стилем социализм и, наверное, коммунизм. Тут находилась небольшая фирма, в которой супруга работала бухгалтером.

– Ну, все, пока, до вечера, – Таня потянулась к Саше за самым целомудренным в мире поцелуем.

– А ну подожди-ка, – и Саша протянул Саше три зеленые бумажки. На одной виднелась цифра 100, на двух других – по 50. – Твоя доля, – он лукаво улыбнулся.

– Ну, ты даешь!!! Выиграл? – Танины глаза встрепенулись радостным огнем, но деньги брать она не спешила. – Не надо, Саш... Тебе столько кредитов гасить...

– Давай, бери, говорю. Твоя же доля, – Саша сделал серьезное лицо, – кредиты оплатим и так.

– Ну... спасибо, – и жена одарила мужа еще одним дополнительным поцелуем. Деньги быстро метнулись в подраспухший от всякой ерунды кошелек и навсегда исчезли.

Таня вышла из машины и помахала рукой. Все как всегда. Саша пару мгновений смотрел ей вслед, и как будто очнувшись от оцепенения, переключил рычаг автоматической передачи и поехал в свое огромное корпоративное логово. Предстоял пятнадцатиминутный, если конечно без пробок, марш-бросок по набережной. На левой стороне от дороги располагались бесконечные кафе и рестораны, выбравшие стиль «у воды», между которыми были готовы взорваться листвою куски необустроенного берега. По правую сторону пыжились автосалоны, каждый день придумывая свое новое «еще дешевле» и «модельный ряд обновлен». Автотрейдеры чередовались с магазинами электроники. Магазинов, или как сейчас их бойко стали называть супергипер- и мегамаркетами электроники было так много, что создавалось впечатление – плееры и стиральные машины можно было есть. Оторвать шнур питания, разогреть в микроволновочке и скушать с кетчупом. Это если старая модель. И бежать в мегамаркет за новым плеером.

Ну, вот и родной банк. На стоянке как всегда не протолкнуться. Саша нашел место и припарковался. Парковался как-то неуверенно – дергал несколько раз то назад, то вперед. Отходя, оглянулся на машину и нажал кнопку замка.

«Уть-уть!» – мигнул габаритами джип, и Саша направился ко входу в самый большой головной офис самого большого банка в стране. Приложил пропуск к системе регистрации в холле, и банк поприветствовал своего работника зеленым огоньком терминала. Кивнул охране, охрана кивнула в ответ.

Головной офис заполнялся своими винтами, гайками, пружинками, шестеренками, гвоздики жали руки шурупчикам, тросики кивали валикам и ленточкам. И в девять часов утра огромный инертный банковский механизм, скрипя кнопками компьютеров и мониторов, под шуршание «мышей» и звонки телефонов начинал свой разгон.

Набрав нехитрый код замка, как-никак помещение с ограниченным доступом, Саша зашел в дилерский зал. Зал этот представлял собой трехуровневое помещение, амфитеатр что ли, разделенный на две половины большим центральным проходом. На первом ряду такого своеобразного амфитеатра сидели девочки из корпоративного бизнеса. Непонятно, кто их сюда посадил, но им выпала нелегкая доля соседства с дилерами, и они уже давно привыкли к дилер-

скому мату, ругани, громовому смеху и всем остальным проявлениям мужского коллектива. Дилеры, впрочем, на них внимания не обращали. Второй ряд занимали Форексные дилеры с одной стороны, там было и Сашино рабочее место, а с другой – сидели банкнотчики. Второй уровень – неторговые операции во главе с начальником департамента валютнообменных операций Леванченко Андреем Алексеевичем, на противоположной стороне – ресурсники с позиционерами. Третий, самый верхний уровень венчали две «стекляшки». В одной их стекляшек сидели корпоративщики, которые управляли деятельностью девочек на первом ряду. В другой стекляшке сидел начальник департамента ресурсных операций Ласка Дмитрий Михайлович со своим же заместителем и специалистом по банковским металлам. Такой вот коллектив. Казначейство включало еще департаменты корреспондентских отношений, бухгалтерию и недавно созданный департамент по работе с финансовыми институтами, но они, к счастью, сидели отдельно.

Практически вся братия была уже на местах. По установленной традиции нужно было обходить всех и здороваться за руку. Это немного напрягало, но традиция есть традиция. Саша быстренько обошел столы и уселся на свое место. Его напарник по операциям Игорь Доценко уже включил мониторы.

Серёги Кирьяна, дилера по долларам и евро, еще не было на месте. Саше оставалось включить собственный компьютер и запустить внутреннюю дилинговую систему. Один щелчок мыши сменял другой, и в считанные минуты машина по глобальному обмену одних денег на другие была готова к работе.

В пятнадцать минут десятого прибежал Серёга. Как бы немного запыханный, с практически не исчезающей улыбкой на лице, начал со всеми здороваться.

– Да садись уже. Лишний раз показывать, что опоздал... – Саша глазами показал ему на кресло. Кирьян опаздывал уже третий день подряд. В «дружном» коллективе, где все всё замечают, это чем-то да чревато.

– Ну, в пробочку попал, с кем не бывает?.. Как тут дела у нас? – в Серёге бушевало хорошее настроение.

– В какую же пробочку ты попал? – послышался сверху голос Леванченко. Голос сыпал раздражением. – В дверях застрял?

– Андрей, та я...

– Что я? Пробка где? Третий день одна и та же? – «Левандос» – так за глаза звали заместителя руководителя бизнеса и начальника департамента – накалял градус «прочухона».

– Андрей, да у нас прямо во дворе... – Серёгина улыбка стала с видимым акцентом жалости, – ну получается...

– Так, еще раз такое получится – пеняй на себя! Предупреждаю, – голос Левандоса звучал глухо и властно. – Все! Вперед за орденами.

Серёга сел на свое место и начал загружать комп. Саша просмотрел графики движения курсов. Наклонился к Игорю.

– Слышь, Игореха, что с рублем в перспективе? Вверх смотрит. Все вроде ничего, но война меня беспокоит.

– Какая война? По Ираку, так это на доллар ярмо. Видишь, как евро прёт. Даже отрицательные индексы ему нипочем. Тренд вверх, по рублю небольшой, правда. Стабильно. Хорошо, что эту долбанную позу вчера закрыли. А то висела на шее. Руководство балуется, а мы жопы потом рвем, – Игорь перешел почти на шепот, – я вчера по этому поводу бахнул пару тостов за ужином.

– Не про ту войну говорю, – Саша тоже начал говорить шепотом, – Осетия – Грузия, ну и Россия следом.

– Ты серьезно? У них там завяло вроде.

– Такие ландыши не вянут. Чувствую, что скоро быть войне. Жопой чувствую.

– Ну не знаю. Вероятность есть всегда, – Игорь задумался. – У них там лишь бы не работать.

– Аккуратней надо. С рублем только необходимые сделки. Я, кстати, тоже бахнул текилки вчера. Прямо здесь, – Саша подробности «из горла» решил опустить. – Хочешь?

– Прямо сейчас? – Игорь удивленно повысил голос.

– Тихо ты? А чо, по полтиннику накатим. Я еще вчера турнир по покеру выиграл. Немного поднялся в смысле «эс», – Саша нарисовал пальцем в воздухе знак доллара, – до вечера выветрится. Текила самая та. Трес генералос.

– Давай, – Игорь полез за пластиковыми стаканами.

– Вот бя... Стаканов нет.

– Их уже давно нет. Бери кружку и опускай.

Саша тихо, без лишнего шороха достал бутылку и на полу плеснул в кружки для чая. Подняли кружки, глянули друг на друга. Все понятно без слов.

Глотнули. Хорошо.

Саня встретился взглядом с Толяном Фадеевым, дилером по банкнотным операциям в иностранной валюте. Толян по-шпионски подмигнул. Он их вычислил. Саша улыбнулся. Толян нормальный чувак. Все окей.

Время потихоньку двигалось к обеду. Одни работали, другие плавно делали вид. Вадик Лесной постоянно ходил к диспенсеру с водой. Попить. Видать, перебрал вчера. Впрочем, он перебирал постоянно. Все его ходы были просчитаны. В обед он сходит в магазин и возьмет. И все повториться.

Левандос, не стесняясь, читал журнал об автомобилях. Ему стесняться нечего. Он автомобили любил и любви в подтверждение недавно купил нехилый джип «Акура». Изредка он поднимал голову и усталым взглядом оглядывал зал. И с разной периодичностью шушукался со Свистуновым. Свистунов Саша занимался неторгами, знал всех валютных оптовиков и был у Левандоса в фаворе. Рынок валютнообменных операций был признан одним из приоритетных и его активно развивали. Естественно, за счет других операций. Поэтому Свистунов периодически надрывно ругался со всеми. Вот и сейчас потихоньку назревало.

– Толян! Сколько дашь нам евро? – визгливый голос Свистунова не сулил ничего хорошего.

– Как и договаривались – два лимона, – Толян Фадеев сидел, весь заваленный какими-то бумагами.

– Уже практически все расписали. Дай еще два.

– Рад бы, да не могу. У меня тоже все расписано, – Толян начинал нервничать.

– Филиалы обрежь. Нам надо. Сколько у тебя денег в кассе? – Свист настаивал.

– Ебет тебя? Я еще отчитываться буду? Денег нет, – рявкнул Фадеев.

Разгоралось. И один, и другой перешли на крик. Все с интересом слушали. Бесплатный театр. Левандос оторвался от журнала и встал. Курить. Он с раздражением посмотрел на Фадеева.

– Дашь Свистунову еще один лям. Все. Закрой рот.

Фадеев сидел в расстроенных чувствах. Свистунов победил. Причем победил уже в который раз. Неожиданно образовавшуюся тишину через пару минут снова разрезал его голос.

– Игорь, почему откупишь четыре миллиона рублей?

– По двадцать пять восемнадцать, – Игорь назвал последние четыре цифры в котировке.

– Давай по двадцать три ровно, – Свист улыбался.

– Не получится.

– Давай по двадцать три. Все по рынку.

– Я чо, в убыток буду работать. Нет таких цен, – Доценко смотрел то на монитор, то на Игнатьева.

– Мне надо по двадцать три.

– Нет таких цен, Свист. Не гони волну, – Саше пришлось вставить свои «пять копеек».

В зал зашел Леванченко. Покурил. Сев, залистал журнал. Из-за перепалки он не мог найти страницу.

– А ну прекращайте балаган. Забери у него по двадцать три, – он властно смотрел на Игоря, – вы не понимаете, что ли, что прибыль в один карман.

Игорь нервно записал на бумажке сумму и котировку. Такие дела. Саша промолчал. Бесплезно что-то говорить. И про прибыль в один карман Левандос не прав. Когда начнут рассчитывать, кому какую премию начислять, то про это никто и не вспомнит. Главное – сколько денег наколотил каждый. Все всё понимают. Но, как говорится, только когда вынимают.

В начале двенадцатого в зал зашла Дайнеко. Процедив всем и никому «Здравствуйте», направилась к Леванченко. Вопрос был стандартный. Впрочем, как и несколько вариантов ответа.

– Так, что у нас с рынками?

– Все нормально, Людмила Николаевна, без перегибов, – Левандос сосредотачивался после журнала.

– Что курсы? Наличка? Неторговые операции? – Дайнечка посмотрела на Свистунова.

– Доллар чуть снизили, спроса нет. Евро берут хорошо.

– Саша, все вчера закрыли? Порядок? – холодные глаза переметнулись к Игнатьеву.

– Да.

– Хорошо.

– Так, Андрей. Нужно активизировать нашу работу на Форексе, – Людмила Николаевна начала воплощать в действие не до конца понятную ей мысль Председателя. – Расслабились вы. Нужно думать о прибыли. И не думать, а делать. Саша – это тебя непосредственно касается. И всех остальных. То, что позу закрыли, это хорошо, но это не значит, что можно безмятежно смотреть в мониторы.

– Хорошо, Людмила Николаевна.

– Доложите потом, – Дайнеко пошла к ресурсникам.

– Все понятно? – голос Левандоса был расслаблен, – тогда вперед.

Вот так. Значит, безмятежно смотрим в мониторы. Саша посмотрел на Андрея. Леванченко сделал в ответ тычок бровями. Что она имела в виду? Что за херня такая? Спрашивать бессмысленно. А то дураком себя покажешь.

– Ты все слышал, Серый? – обратился Саша к Кирьяну, – активизируй работу. Киря с улыбкой смотрел на Женю.

– Давай поактивнее, – Саша крутнул по столу чайную кружку, – начинай делать что-то. Поменяй нахер для начала двадцать лимончиков евро на таджикские сомы. Народ побежит к тебе с вопросами, а ты *la dinamico*? Или как там по-итальянски? Поменял хорошее на лучшее.

– Да... Бек-офис первый примчится... – хихикнул Кирьян.

Тем временем на противоположной стороне зала Дайнечка начала «вставлять пистон» Фадееву. Она стояла около его стола в окружении эксперта по кассовым операциям Андронниковой Нинки и главного позиционера Аркаши Качко. Андронникова показывала всем листок с какой-то табличкой.

Оказывалось, что в кассе лежит мертвым грузом сорок миллионов российских рублей, и он, Толян-Перетолян вывозить их в Россию-матушку совсем не спешит. А ресурсов по рублям как всегда не хватает. Толстяк Качко с интеллигентно-умиленной гримасой на лице кивками и даканьем подтверждал, что, да, ресурсов не хватает. Он ненавидел Фадеева.

– Я спрашиваю, почему столько рублей в кассе? – голос Людмилы Николаевны приобретал истеричный оттенок.

– Свозили из всех филиалов, Людмила Николаевна, сегодня утром приехала последняя партия, все вывезем, – здоровый и высокий Толик выглядел монстром по сравнению с хрупкой маленькой женщиной-царицей.

– Когда?

– В понедельник.

– В понедельник? Да ты что, с ума сошел, Фадеев? Я тебя спрашиваю! Чтобы завтра же они были в Москве, – царица негодовала.

– Они же не упакованы, не затаможены, да даже если они бы были готовы, то им все выходные придется проваляться на таможенном складе в Москве. Зачем лишние риски? – Фадеев цеплялся за аргументы, как за скалы, едва пересиливая ветер эмоций Дайнеко.

– Почему не вывез раньше? По-че-му?

– Да они в среду и сегодня приехали... практически вся сумма. Фадеев был прав. Но занесенный топор должен рубить.

– Чтобы все было вывезено в понедельник! Понятно? Если хоть что-то останется – сто процентов премии! На контроле! – и маленькая, остроносая, с «дулей» из волос на голове женщина-хозяин метнулась к выходу. Даже не зашла в стекляшку к своему «другу» и любимцу начальнику департамента ресурсов Диме Ласке. А там ее, скорее всего, ждали. Ничего – зайдет потом.

«Не везет Толяну», – думал Саша, провожая глазами зампреда. Одета в черный дорогой деловой костюм с белой блузой, Людмила Николаевна была в леопардовых ярких полусапожках. Такая вот безвкусная деталь.

Потихоньку покупая и продавая, выполняя заявки корпоративщиков и ресурсников, подобрались к обеду. Саша «конфирил»⁸ на рейтеровском «окне»⁹ сделки. Подошел Фадеев.

– Приглашаю уважаемых господ пойти откусать, – это был практически ежедневный ритуал.

– Идем, идем, – Саша нащупал в пиджаке кошелек.

– Я – пас. Надо по делам отъехать ненадолго, – Игорь заносил свои сделки в информационно – дилинговую систему.

– Серый, пошли с нами закусим, – отдельное предложение поступило к Кирьяну.

– Нет, не пойду. Вы там сейчас без очереди начнете лезть. Я так не могу.

– Смотри. Когда надумаешь, в буфете останется капуста одна. А от нее пучит. Саша поднялся, и они вдвоем пошли к выходу.

– Ты слышал этот цирк? – Толик нажал кнопку электронного замка.

– С рублями? Да уж.

– Эта сучка Нинка просто достала меня. Дайнечка подойти еще не успела, как она, падла, тычет ей листок – рублей до хера в кассе. Не спросила у меня, ничего. И заложила. Не знает, что к чему... хоть бы раз спустилась в кассу – посмотрела, как люди с деньгами работают... а закладывает – будь здоров. Я с ней сколько раз разговаривал – бесполезно. Говорит – надо мной руководитель только Дайнеко. Нахер она мне нужна еще руководить ей. По-человечески не понимает, дрянь. Как в песне Меладзиной – «Она была актрисой с огромной красной писою...»

Саша засмеялся. Приколист этот Толян.

– Она год назад замуж вышла. И чего ей, скотине, не забеременеть. Плюс боров этот Качко: «Да, да, ресурсы нужны-перенужны».

---

⁸ Заключение.

⁹ Международная дилинговая система Reuters.

– Вокруг одна ложь, – сказал Саша, – обманом взяла парня, у нее, когда она в бизнес к нам пришла, помнишь, какие сиськи были?

– Какие? – Толику нравилась эта тема.

– А никаких... Ей медведь в детстве хотел наступить на ухо, но промазал. И наступил на грудь.

Толик рассмеялся.

– Нет ни хера сисек, шаром покати... А сейчас? – продолжал Саша, – у нее практически третий размер... Это какой же отвратительный пуш-ап она носит! И компенсирует морально она это тем, что таких кренделей, как ты, закладывает. Королева сайта дабл-ю дабл-ю дабл-ю, сисек-точка-нет. Муж женился на том, чего нет, не было и не будет. Обманутый вкладчик. Как будет по-английски вата? Не помнишь?

– The yata... или нет – The WATA, – проникновенно выдохнул Фадеев.

– The wonder bra with a lot of WATA on the sukagirl. Заметно повеселело.

– Да... Как же в декрет отправить эту Нинку-щетинку... – настроение у Толика повышалось, – надо мужу позвонить... Типа алло, алло. Это Нинын муж? С работы звонят. Вы там собираетесь в декрет уходить? Женился – так давай, задвигай...

– А ты его видел? Я, по-моему, их видел в городе один раз... Мальчик-размазня... Он сам себе не задвинет, не то что кому-нибудь другому... Жертва передоза укропной воды...

Веселые, они зашли в буфет.

В буфете как всегда была очередь. От очереди отходили своего рода людские отростки. Была такая традиция – занимать очередь одному человеку, а остальные подходили потом. И стоя третьим или четвертым, ты мог стоять целый час, пропуская вперед людей. Традиция жутко не нравилась тем, кто стоял сзади, и яро поддерживалась теми, кто стоял впереди. Вот и сейчас приход Саши с Толяном ознаменовался недовольным, еле слышным, но слышным все-таки ропотом, – «Да сколько ж их на... достали вперед залезать... да сколько ж можно...»

Ресурсники уже были здесь. Вадик Лесной со своими напарниками Михой Максимовым и Валерой Корсуном, не стесняясь в выражениях, обсуждали недавний проигрыш городской футбольной команды. Стоящей впереди бухгалтерии и нервничающей сзади корпоративной братии волей-неволей приходилось слушать, какие наши футболисты пидоры и гандоны.

– Так, ну что у нас здесь? – обозначил свое присутствие Толик. Саша, молча, встал в конце отростка очереди, название которому «казначейство».

– Игнатьев, чего ты здесь стоишь? Я тебе очередь не занимала! – злющим взглядом в Саню впиалась Анька Иртышева – казначейский специалист по банковским металлам.

Она сегодня занимала на всех очередь, и теперь, по-видимому, решила его выгнать. Это было не в первый и даже не во второй раз. Она лютой ненавистью ненавидела Игнатьева, больше, чем советские люди фашистов, чем кошки собак, чем мыши кошек. Ее ненависть была безгранична. Когда-то, много лет назад, между ними в банке был конфликт, никто уже не помнил, в чем он заключался. Но склочная по своей натуре Анька довела этот конфликт до абсурда. Везде и во всем она выступала против Игнатьева. Это был, наверное, своеобразный способ выделиться в толпе. По крайней мере, так это понимал Саша. Вот и сейчас она начинала представление. Все, впрочем, с удовольствием наостригли уши.

– Ох и неравнодушна ты ко мне, Аня. Сразу заметила, что пришел. Может, хочешь чо? – Саша делал расслабленно-насмешливое лицо.

– В конец очереди становись! Для тебя не занимала! Иди в конец! – Иртышева заводилась.

– Как ты любишь это слово – «конец»? Тебе приятно его слышать? Приятно произносить? В конце концов, для женщины это логично. Подошла бы по-тихому, пригласила вечером к себе. Я бы подумал.

– Да ты... Жлобьяра ты! – непонятно к чему сказала Анька.

– Ну почему же? Я бы к тебе бутылочку водочки взял, полпалочки колбаски... Больше я не съем...

В очереди засмеялись. Анька отвернулась, неслышно прошептав что-то. На сегодня хватит. Как она уже достала, эта Иртышева. Саша послал ее нахер. Мысленно.

– Слышь, Саня, Толян. Давайте завтра завалимся в кабак куда-нибудь. Посидим – побухаем. Давно не собирались, – предложил Максимов, – Как вы?

– Можно, – сказал Фадеев.

– Я не против, – Саша взял поднос, – завтра все решим.

Он взял винегрет и продвинулся к первым блюдам. Спросил, что есть в ассортименте. Кроме огромной емкости с рассольником, диетическим супом с лапшой, была еще маленькая кастрюлька с супом-кремом с печенью и сливками. Этот деликатес готовили для высшего руководства, но руководство, видать, налегало на что-то другое, и суп-крем выставили простым смертным. Саша взял тарелку с однородной зеленовато-бежевой густой массой. Это удовольствие подворачивается нечасто. А на второе – овощное рагу.

Сели за столик. Начали закусывать. Подсел эксперт по денежным рынкам Андрюха Ланских. Андрюха был очень молодым экспертом, но начитанным. Постоянно всем по электронной почте рассылал различные прогнозы по рынкам. Прогнозы эти, как и все прогнозы, сбывались далеко не всегда.

– Что думаешь по рублю, Андрей? Куда смотрят все светлые головы? – Саша не без удовольствия поглощал крем-суп.

– Рубль? Нефть на максимуме, все индикаторы смотрят вверх. Поступательное укрепление.

– А война?

– Какая война?

– Бля... ну какая? Такая! Грузины Осетию долбанут. И понесется. Ты же мониторишь эту фигню.

– Да там у них всегда напряженность. У каждого в руках пушка какая-нибудь. Был бы у тебя «калаш» там или «узи», так ты бы тоже постреливал потихоньку в сторону врага, – Ланских не знал с чего начать – с салата или рассольника.

– Зарубежные аналитики что-то говорят по этому поводу?

– По этому поводу эксперты даже не спрашивают – «Что такое Осетия?»

Дальше продолжать этот разговор не имело смысла. Толян Фадеев сразу заполнил паузу, показывая глазами на полногрудую деваху в очереди. Деваха источала молодость, сексуальность и призыв.

– Представь, подойти и спросить: «Девушка, вы не желаете получить главную роль в частном фильме «Уаилд пусиз»? – Толян смешивал рис и подливку.

– Или «Уэт корпоратив пусиз», – Ланских Деваха тоже впечатлила.

– Ты когда рубли вывезешь? – неожиданно спросил Саша.

– В понедельник. В четверг-пятницу на корсчете. А что?

– Да ничего.

Они уже заканчивали обедать, как мимо них прошла Иртышева. Если у ада есть исчадие, то оно сейчас горело в ее глазах.

– Что? Не подавился? – вопрос без ответа был обращен к Игнатьеву. Фадеев цыкнул в ее сторону зубом.

– Ну и уебище! Очень редкостная порода. Ты, Михалыч, как будто кинул ее с пятью, нет – с шестью детьми.

Саша развел бровями. Нечего сказать.

Выйдя из буфета, он предложил Толику прогуляться в обеденный перерыв.

– Я бы с удовольствием, но надо готовить рубли. Бумаг выше крыши.

Саша оделся и вышел из банка. Иногда, как сегодня, когда сделок было немного, он прогуливался вдоль берега. Заходил на небольшой, захламленный пластиковым «студенческим» мусором пляж. Стоял у воды и думал. Вот и сейчас, перейдя через дорогу, подошел к самой воде.

Он работал в этом банке почти с самого его основания, вот уже пятнадцать лет. Сколько же было всего за это время. И жестокие проигрыши, и триумфальные доходы. С приходом опыта он понял, что движения на рынке спрогнозировать практически невозможно. Рынок надо было чувствовать, как свой организм. Почему-то вспомнился девяносто восьмой год. Рублевый обвал. Он тогда внезапно почувствовал эту тревогу. Защемило, закололо душу. Он начал всматриваться в окружающий мир, искать знаки. Нужен был знак. И он его нашел. Возвращаясь в пятницу вечером домой, он у видел сидящего на бордюре алкоголика. Тот был сильно пьян и, положив руки на колени, низко, обездолено так, свесил вперед голову. Вдруг голова мужика вскинулась, и он сделал резкую попытку встать. Рывок – и алкаш уже стоял, осматриваясь мутным взглядом. Током ударила мысль – «Если сейчас уйдет, то все будет ок, а если упадет – жопа». Мужик сделал несколько абсолютно ровных медленных шагов. Ничего не слу... И тут мужичок дернул головой и резко, навзничь упал на асфальт, издав какой-то рык. Саша даже не стал провожать алкоголика-кудесника взглядом. Он уже твердо знал – надо резать «позы» и готовиться к худшему. А потом он стал героем. Он был один из тех немногих, кто неплохо заработал на «черном вторнике».

Людмила Дайнеко была тогда начальником отдела ценных бумаг, и он выручил ее, передав часть своего дохода. Она серьезно прокололась, и бог знает, какие ей грозили неприятности, но они все решили. Да, Людмила Николаевна совсем уже не та, что была раньше. Ну да ладно.

Его беспокоил этот утренний розовый пакетик. Что-то произойдет. Надо быть максимально осторожным. И внимательным. Со сделками вроде все нормально. Надо проверить все «хвосты».

Странная эта Иртышева. С чего же все началось? И чем закончится?

Саша посмотрел на прибитую водой к берегу грязную пластиковую бутылочку. Так, наверно, смотрит властелин мира на никчемную вещь. И вдруг молнией пронзила мысль: «А ведь годы-то идут. Надо выбиваться в руководители. Весь в долгах-кредитах, как в шелках. Надоело это все вошкание за копейки. Хотя, с другой стороны, отнюдь не за копейки. Да и в начальники выбиваться как? Левандоса куда-нибудь разве можно сдвинуть? А Дайнеко? За свое бы удержаться. Да, заменяешь Леванченко во время отпуска. Несколько раз был на совещаниях у Председателя. И что? Да ничего». В этих, не слишком веселых раздумьях, он повернулся и зашагал обратно, в «логово».

Дилерский зал встретил Игнатьева густым спертым воздухом. Потихоньку собирался после обеда народ. Максимов, придя, зачертыхался по этому поводу и сразу же открыл окно. Фадеев, сидевший по ходу исходящих из окна воздушных масс, и у которого от этих проветриваний «прихватывало» спину, был всегда и категорически против.

– Ну чего ты расхлебывал окно? Тебе, что, жарко? Только с улицы пришел, – с этими словами он глухо бухнул стеклопакетом. Скрипнула защелка, окно закрыто.

– Как же ты достал уже, – Максимов снова двинулся к окну, – сколько можно дышать говном этим? Выйди и погуляй где-нибудь.

– Меньше потей, Миха. И сам иди гуляй. А у меня дел до хера, – Толик тоже рванул в сторону окна.

– У нас действительно нечем дышать. Ну, давайте, хоть на пятнадцать минут откроем, – к дискуссии подключался Свистунов.

– Как вы меня заебали. Что ж вы за люди-то такие? – Фадеев не сдавал позиции, – вам воздуха мало, а мне здесь сидеть. Ты потом спину мне лечить будешь?

– Это ты нас всех достал. Сколько можно в этом «лайне» сидеть? На перерыве не открывали и сейчас тоже. Надо проветрить, – Валера Корсун тоже решил присоединиться к блокаде. Фадеев выругался, схватил какие-то бумаги и вышел из зала.

Саша смотрел графики по курсам валют. Евро крепло по отношению к доллару. Поскольку рубль напрямую завязан на евро, он тоже потихоньку подрастал. Скоро должна открыться Америка. Нужно было подписать пару бумажек у Дайнеко. Саша поднялся и передал их на визу Леванченко. Тот сделал важное лицо, глянул на большой монитор спутникового телевидения, висевший на стене и транслирующий новости. Как-будто там был ответ.

Завизировал. Саша направился в приемную. Он прошел по коридору и приоткрыл дверь.

– Здравствуйте, девушка, – в маленькой приемной приятно пахло кофе.

– Здравствуйте, мужчина, – секретарь Дайнеко Инна устремила на него свой взгляд.

Инна была симпатичной, роста чуть выше среднего, двадцатичетырехлетней дивчиной, олицетворявшей, по мнению Саши, современность и прогресс.

Всегда модно одетая, с идеальным маникюром, уделяла внимание деталям, браслеткам, часам, другим приятным мелочам, которые выделяли ее из толпы. Острая на язык, без капли стеснения, она всегда была «на волне». И знала, чего хотела. Инна нравилась Игнатьеву.

– Ну как тут у вас дела? – он сел на приставной стул рядом со столом.

– Да так, то то, то сё, – протянула Инна, – хороших людей мало заходит, и те не все пользуются дезодорантами.

– В смысле?

– Да мне тут такой «лаванды» нанесут... и сидят здесь, уходить не хотят. Саша поежился. Вроде у него с этим все в порядке. Инна улыбнулась.

– С твоим Хьюго Боссом, Саша, все чик-пик.

– Как настроение у... – Саня глазами показал на дверь кабинета зампреда, – сегодня с утра было не очень.

– А когда оно было очень?

– Ну, когда-то было, поверь мне.

– То кофе горький, то чай горький... сегодня горький день, – Инна наклонилась чуть ближе к Саше, – говорит недавно: «Почему кофе такой горький?»... ну какой может быть кофе, если в него сахар не ложить?

– Не класть.

– Ну не класть... или не ложить... Ладно тебе... Или чай зеленый... Он когда остынет, то горчит.

– А ты не пробовала Дайнечке сахар предложить? Натё, мол, сахарку, Людмила Разлюдиловна... без кофе. Он точно не горчит. Пару ложек – и Максим Горький превращается в Иосифа Сладкого.

Инна улыбалась. Саша в который раз подумал, что нехило бы было «закрутить» с ней.

– А, шутник, зачем пришел вообще?..

– Да на тебя посмотреть. Уж очень хороша собой, ты, девица. Ну и пару, вот, бумажек подписать...

– Срочно?

– Да нет.

– Может, кофейку сделать? – в глазах Инны мелькнул огонек.

– Да нет, спасибо. Тут нормально не попьешь. Беготня одна. В другом месте надо пить. Организуем? – Саша хитро улыбался.

– Не против.

Тут в приемную зашел Фадеев. С целой пачкой бумаг.

– Инночка, я прошу тебя, срочно вот это все нужно подписать, – и он демонстративно сделал жалобное лицо.

– Зайди через пятнадцать минут – будет подписано, – и голос, и лицо Инны стали равнодушно-строгими.

– Мне очень нужно сейчас... Прошу тебя.

– Ты видишь – она разговаривает. Как я подпишу? – Инна ткнула палец в телефон. Горевшая там красным огоньком кнопка через мгновение погасла.

– О, уже нет... Ну пожалуйста, – Фадеев вытащил из кармана брюк завернутый в прозрачную этикетку розовый леденец в форме дольки.

– Это тебе... элитный грейпфрут, – он положил его на край стола и снова скривил жалобное лицо.

– Он у тебя в кармане ни к чему не прилипал? – Инна встала и с раздраженным видом протянула руку, – к мандаринкам твоим?... Ладно, давай свои бумажки.

В облегающих черных джинсах ее задница выглядела очень эффектно. Саша глотнул слюну. Фадеев смотрел туда же. Инна чуть приоткрыла дверь Дайнеко, глянула туда, потом как кошка проскользнула внутрь.

– Невесте графа де ля Ферр всего шестнадцать лет, – тихо запел Фадеев песню из «Трех мушкетеров», – но никого в Провансе нет, кто б делал так минет... – с хитрой улыбкой смотрел на Саню.

«Всё-то ты пасешь», – подумал Игнатъев, усмехаясь в ответ.

– Большой ты придумщик, Толя.

Прошло минут пять, и Инна вышла. Отдала Саше его бумаги, Фадееву – его. Тот сразу стал проверять подписи. На двух листах подписи не было.

Пропустила.

– Инн, тут на двух листах забыли... Зайди еще раз... Надо прямо сейчас... Ради элитного этого...

– Как ты меня уже достал... В следующий раз будешь на каждый подписной лист клеить бумажку, чтоб она видела... – Инна схватила листы и снова зашла к Дайнеко.

– Тут каждый день столько подписывать, что никаких бумажек не хватит, – пробубнил Фадеев.

– Сколько вывозишь? – спросил Саша Толика, пока они ждали Инну.

– Сорок один лимон. С копейками.

– На пьянку пойдешь?

– Думаю – да. А хули – надо расслабиться. Попьем, посмеемся. А ты?

– Не знаю. Посмотрим. А кто еще будет? Не говорили?

– Да практически все. Даже Левандос собирается.

Инна вышла, отдала Толяну бумаги. Он рассыпался в благодарностях и выскочил из приемной. Саша, хитро улыбаясь, подмигнул красавице-секретарю зампредправления. Уходить не хотелось. Но уже пора. Инна взяла оставленный Фадеевым леденец и через плечо наотмашь бросила вглубь узенькой приемной. Там, возле тумбочки, на которой возвышался мощный копир, стояла урна. Конфетка, описав дугу, ударилась о тумбочку и попала прямо в нее. Блестящий бросок.

– Такой вот элитный грейпфрут... – Инна игриво улыбалась.

Саша сделал прощальное движение ладонью и вышел из приемной. В голове крутились мысли одного направления – даст секретарша или не даст. Если даст, то что потом? Если не даст, то почему? И нужно ли это? А что, разнообразие в жизни все-таки. Скорее всего, что даст. Служебный роман.

Нет, это корпоративный роман. С вытекающими. Точно даст. С этими мыслями Саша решил отлить. И со свернутыми в трубочку бумагами вальяжно зашагал в туалет.

Путь в туалет лежал через приемную Председателя Правления. С одной стороны были два кабинета первого и генерального заместителей, а с другой стороны, между столов секретарей и помощников вели наверх несколько ступеней в кабинет Самого. Секретари были все как на подбор модели. Одна другой краше. И все с жеманными голосами роботов. Всех «роботов» нужно было обязательно поздравлять с днями рождений, праздниками, улыбаться и говорить комплименты. Иначе неожиданно, именно неожиданно могли начаться проблемы. С подписью документов и вообще. Саше проблемы были не нужны. Он сделал соответствующее лицо и как можно быстрее пересек предбанник банковского топменеджмента. Роботы не обратили на него внимания. И хорошо.

Вернувшись на свое место, Саша опять погрузился в курсовую болтанку. Пока его не было, Игорь «подхватил» пару его сделок. Они знали друг друга много лет, бывали в разных дилерских передрягах и, естественно, доверяли один другому.

– Потребительское доверие по Европе растет, розничные продажи тоже. Евро, вон, смотри, больше полфигуры за сегодня вверх пропахало, – Доценко курсором скакал по экрану монитора.

– Да, с таким ходом, наверное, очереди за «мерседесами» у них выстроились.

– Завтра по Америке Non farm pay roll¹⁰ посмотрим, какой будет.

– Да чо там смотреть на эти америкосовские индексы. От них все меньше толку. Ну, повысятся. А евро все равно наверх прет. Логика перестала быть видна. Все херня. Рубль, рубль меня волнует. К чему его подвязывать?

– Да что ты заладил со своим рублем. Все будет хокей.

– Он такой же твой, как и мой, – Саша поморщился, – очень долго все по накатанной идет.

– По Осетии я смотрел... Там это шатание уже давно.

– Когда последнее обострение у них было? В прошлом ноябре. Но вяло. Практически все на словах. Без артобстрелов. Россияне все больше подключаются в разборы. Кто-то из них должен психануть.

– Ну и когда ты прогнозируешь эти психи?

– Не знаю. К первому апреля, может.

– На день смеха? Да перестань.

– Посмотрим. Кстати, когда учетная ставка по Европе? В четверг, на следующей неделе.

– А какие прогнозы?

– Ну, еще рановато. А так пишут – без изменений.

Они замолчали. Кирьян заносил сделки в систему. Дилерский зал был наполнен монотонным галдением. На мониторе в центре зала российский президент осматривал какой-то завод. Потом крупным планом что-то говорил. Звук был отключен. Саша вдруг вскинулся.

– Где пульт? Сделайте звук! Что он говорит?

Пульт был у Кирьяна. Пока он его доставал, сюжет закончился.

– Всегда так! Когда надо – пульта нет, звука нет на!.. Надо, бля, было аквариум вместо него повесить, с рыбами, – Саша был раздражен, – вот о чем он говорил?

– Он как всегда был краток, – констатировал Кирьян. Он все-таки включил звук на мониторе.

– Пацаны! Серый! – это был голос Фадеева, – ну какого вы включили звук на этом телевизоре. И без него вот такая голова.

– Шо ты хочешь? – повысил голос Кирьян, – нам нужны новости. Но-во-сти!!! По твоей любимой России.

Толик хотел что-то сказать, но издал только какой-то мычащий звук, махнул рукой и отвернулся. Тут ни с того, ни с сего вскочил и заорал Вадик Лесной:

---

¹⁰ Экономический индекс.

– Оля, сука, пиздюлина! До сих пор деньги не отправила на СевПром. Я людям пообещал пораньше. И ее просил. Ща трубку не берет. Падлааааа!!! – он схватил телефонную трубку. – Где ты, ску-уу-ка?!!

Весь зал взорвался дружным хохотом. С Вадиком такое бывало. Он опомнился после всплеска эмоций и теперь как бы оправдывался.

– Ну, действительно, я с людьми по таким ставкам работаю, что надо, чтобы все хорошо и быстро. Ну, где деньги?

Оля, сотрудница бэк-офиса по платежам ресурсников, вообще-то, честно говоря, деньги проплачивала либо не туда, либо не ту сумму, которую нужно, либо что-то забывала, чем периодически «доводила» Вадика. Но Оля, несмотря на все свои, порой очень болезненные для Лесного ошибки, как непотопляемый корабль продолжала уже много лет плыть по течению без всякой боязни быть наказанной – уволенной. У нее были родственники там, где надо.

На лице Леса, так его еще называли, выступили красные пятна. Видать, он «принял». Максимов, лучший его партнер и по работе, и по бутылке, дергал его за рукав. Сейчас всеобщее внимание было совсем ни к чему. С другой стороны Вадика дергал за рукав Валера Корсун. Казалось, что Лесного трясет в конвульсиях.

– Сядь, сядь и закройся, – хрипло бубнил ему Максимов.

– Шо ты дергаешь меня, – вдруг Лесной неожиданно обратил свой гнев на Корсуна, – козел дурной.

– Сам козел дурной, – Корсун отодвинулся.

– Закройся, я тебе говорю, – Максимов повысил голос, – Воды, бля, попей.

– Ты тоже козел дурной, – натужно протянул ему Вадик и сел.

Работа вернулась в прежнее русло. Торговля на сегодня была закончена. Саша проверил сделки в системе. Все нормально. Вроде бы. Скоро шесть часов – и домой. Опять подумалось об Инке. Да, хороша сучка.

Сообщением пикнул мобильный телефон. Снова приглашают на турнир по покеру. На сегодня Саня – пас.

Сзади, за перегородкой слышались отрывки разговора Левандоса и Иртышевой, зачем-то подошедшей к нему. Голос Леванченко был расслаблен. Ему надоело читать журнал, и интернет надоел, а уж как окружающие ему надоели, можно было только догадываться. Покривляться в разговоре с Иртышевой было чем-то типа развлечения.

– Ну, так ты идешь с нами бухать? Или оторвешься от коллектива? – слова Леванченко были с каким-то налетом насмешливости.

– Да я бы пошла, но от одной морды, всем известной, уже тошнит... – цедила Анька.

Саша понял, о чьей морде идет разговор. Вдруг внутри закипела злость, до боли захотелось встать и как можно грязнее оскорбить Иртышеву. Он почувствовал, как краснеет.

– Тошнота никого не останавливает на отдыхе. В крайнем случае, вырвешь. – Андрей Алексеевич играл словами.

– Да, прямо Сашечке на колени.

Саша вскинулся и, развернувшись сразу, встретился со злобными глазами Иртышевой.

– Закрой, Иртышева, свой грязный рот, – его голос зазвучал как-то по-особенному зловеще.

– Пошел на хер, Игнатьев, – звонко ответила Аня и показала ему средний палец правой руки.

– Так, всё! Иди, Аня, и думай о завтрашнем вечере, – с хитрой улыбкой Левандос заканчивал разговор, готовый перерасти в потасовку.

– Скотина... – прошипел Саня и отвернулся. В спину ударил еле уловимый ответ: «Козел...»

Саша сел. Нервно заводил курсором по монитору. Бесцельно. Ну не сука, а?!!

- Когда она от тебя уже отстанет? – Игорь в который раз задавал этот вопрос без ответа.
- Я тоже об этом думаю, – Саша шарил глазами по монитору, – начинает доставать уже.

Замолчали. Надо поостыть. На мониторе скачут цифры. Вообще-то это опасная игра. Двоюродный брат Иртышевой был заместителем председателя правления по корпоративным делам. Как и любой руководитель высшего звена, он родственников не сильно жаловал, но Иртышева во всех своих разговорах обязательно указывала вскользь или напрямую на высокое родство. Давала понять. Впрочем, родство сыграло-таки однажды свое лидер-соло. Иртышева изначально появилась в головном офисе в управлении корреспондентских отношений. Трифонова Антонина, начальница управления и по совместительству большая подруга Дайнечки, перетащила Иртышеву из бизнеса кредитных карт, где сама когда-то работала. Трифонова Антонина Федоровна, по кличке «Федя» – это вообще отдельная «песня». Приятная в общении, одинокая сорокавосемилетняя женщина работала себе, работала, достижениями не блистала, и вдруг победила в серьезнейшем конкурсе на вакантное место начальника департамента короткошерстных казначейств.

Неожиданный и непонятный взлет Антонины Федоровны вскоре был понят и адекватно оценен. Федя не знала ни один иностранный язык, как того требовали условия конкурса, плохо знала как украинский, так и русский, совершенно не разбиралась в структурах счетов, не знала нормативную базу, не представляла себе, что такое деловая переписка, не дружила с компьютером и программным обеспечением. Главным было другое – она дружила с Дайнеко. Всегда готовая часами и любое время болтать по телефону, обсуждать шмотки из каталогов, просто быть рядом, украшая интерьер, Трифонова была настоящей находкой для Дайнеко, которая обладала довольно скверным характером и подруг, как таковых, почти не имела. Она могла позвонить Феде в двенадцать часов ночи по поводу «Спишь?» и проговорить час-полтора, пока спать самой не захочется. А как захотелось – так и до свидания... «Тоня, все будет хорошо. У тебя департамент, все сделают. Да и мы поможем», – эти слова Людмилы Николаевны враз открыли радужные перспективы. И работа пошла. Но пошла она своей неповторимой, очень своеобразной кривой походкой. Федя после назначения приглашала в управление разных специалистов и неспециалистов, а когда, после долгих уговоров, они соглашались и начинали работать, вдруг решала, что они ее подсаживают. И с помощью Дайнеко, с шумом, треском и скандалом их выгоняла. Эта участь постигла и Иртышеву. «Аня очень активная, коммуникабельная девочка, общаться умеет...» – говорила Федя Дайнеко, и та дала согласие на переход Аньки из карточного бизнеса. Анька перешла и начала активно развиваться, показывать себя, так сказать, со всех сторон. Но большая любовь быстро переросла в такую же большую ненависть. Говорили, что Трифонова ходила к гадалке, и та, с присущим таким людям пафосом, сказала, что стоит у нее на дороге ведьма молодая, черная. Убирать ее надо. Анька визуально подходила под гадалкино описание. Разговор с Дайнеко поставил точки над «І». Стали Иртышеву убирать, убирать жестко и несправедливо. Впрочем, как и всех. Но она-таки достучалась до сердца брата-зампреда, которое в то время было занято выбором спортивного «Мерседеса». В тяжких раздумьях, какой же выбрать объем двигателя – шесть или восемь литров, он позволил Дайнеко.

Смысл беседы был прост – девочка будет работать, причем ее надо перевести от этой вашей, как ее, бабулениции Трифоновой-перетрифоновой. Куда? Что за вопрос – надо перевести на нормальное место, чтоб деньги нормальные были. И все. Так Иртышева стала заниматься золотом.

Саша оторвался от дум и глянул по сторонам. Взгляд упал на Фадеева, тот с раздражением рвал какие-то бумаги. Он тоже был своеобразной жертвой мадам Трифоновой. Она пригласила его как юриста, возглавить отдел по работе с банками-нерезидентами. Почему как юриста? А все потому, что работать с договорами, заниматься анализом нормативной базы, деловой перепиской было некому. Вернее этим заниматься никто не хотел. Должности юриста

не было, и он пошел начальником отдела. Активно включившись в работу по нескольким важнейшим проектам и доведя их до какого-то логического конца, он буквально спас и Трифонову, и Дайнеко от гнева Председателя, поскольку одна была только что назначенным «молодым» зампредом, а другая «еще более молодой» начальницей департамента, и с обеих, как с «молодых», был спрос особый и пристальный. Умеющий играть словами и заплетавший их в сложные двусмысленные связки, Толян писал письма и договора не только всему казначейству, но и бухгалтерии, и корпоративщикам. Дайнеко была от него без ума. Просто молодец. Но в жизни всегда есть место гадости. Антонина Федоровна начала ездить по югам, а Фадеева оставлять исполняющим обязанности. Толя начал входить в курс и вкус. Все у него получалось. Гадалка, соответственно, при очередном визите нагадала, что стоит на пути мужик хитрый, черный да матерый. И пришлось Толе туго. Стало руководство его дрючить по малейшему поводу.

Не сделал – плохо, сделал – еще хуже. Осталось решение за Людмилой Николаевной. Но Дайнеко в этот раз, видимо, решила по-другому. Кто же будет всему бизнесу писать договора, письма, решать вопросы с юрдепартаментом? Кто будет за пару часов составлять документы, которые другие ваяли неделями? Кто? Нет у Трифоновой ответа. Решили поступить иначе. Женщину – начальника отдела операций с наличностью, которую Дайнеко не сильно жаловала, начали выдавливать. А Фадееву, приготовившемуся к самому худшему, после того как вызвали вечером на ковер и пропесочили по пустячному поводу, предложили место начальника отдела – дилера по наличной иностранной валюте. Это было царское предложение, открывающее дорогу Толяну в ряды банковской элиты, сулившее к ежемесячной зарплате ежемесячную же премию. С условием. Это было подчеркнуто наманикюренным Дайнекиным пальчиком особо. Все договора, все письма и остальная бумажная ботва остаются за ним. Фадеев, не долго думая, согласился. Бывшая начальница отдела проходила с красными от слез глазами два месяца. Билась как рыба об лед. Потом тихо собрала вещи и ушла. Вот так. А Фадеев на следующий день начал борьбу за выживание в суровом дилерском коллективе. И ведет ее, кстати, до сих пор.

Сашины раздумья перервал голос Игоря:

– Москвичи аналитику прислали. Там и рубль твой. Читать будешь?

– Наш, Гарри, это рубль – наш. И твой тоже. На «мыло» перебрось.

Читать эту всю аналитическую лабуду не очень хотелось, но он все-таки глянул краем глаза. На «свой» рубль. Укрепление, причем по всем фронтам. Дальше неинтересно.

Ну, вот и время. Народ потихоньку начинает собираться. Сухие рукопожатия. Саша распрощался со всеми и вышел в коридор. Ему навстречу шла Инна.

– Пока, красавица. Или подвезти? – Саша приостановился.

– Поезжай сам. Я еще не скоро, – она улыбалась.

– Ну, тогда пока.

Он подмигнул ей, развернулся и пошел на выход. Еще один рабочий день подошел к концу. Ну и хрен с ним.

– Лена! Сделай мне кофе! – Эдуард Маркович Лоскин, руководитель бизнеса по работе со стратегическими промышленными предприятиями, отпустил кнопку спикерфона и глянул в окно.

Наступал вечер. Вечер четверга. Перед Лоскиным лежали толстые стопки отчетов. От этих стопок становилось не по себе. Начинала болеть голова. А все потому, что стопки говорили о сокращении прибыли по бизнесу в первом квартале. Резком сокращении. За такие дела по голове не погладят. Нужно было искать выход. Думать, чтобы выдумать объяснения руководителя. Что-то ныло, неприятно ныло в затылке. Вот он, бич постоянно растущих показателей. Начало года – и яма, провал. Никому не интересно будет анализировать работу, как таковую. И

условия. Дадут по шапке. Нет, не уволят, конечно. Бонус может зашататься. Запищал телефон секретаря, запищал как-то звонко-неприятно. Лоскин нажал кнопку:

- Да.
- Эдуард Маркович, к вам Полянский, – щебетнула секретарь.
- Что он хочет?
- Договора на подпись.
- Пусть заходит.

В кабинет боком зашел похожий на мешок Сева Полянский, человек, лицо и лоб которого постоянно, в любое время года покрывала испарина. Как возможно более почтительно, он как будто на цыпочках подошел к столу.

Протянул Лоскину небольшую пачку договоров.

- Б-будьте любезны Эдуард Маркович... срочные договора по Самспецстали.
- Я был бы любезен, если бы они легли на стол в понедельник, понял ты? Что вы там каждую ерунду размазываете? – Лоскин решил спустить пар, просматривая договора.
- С-согласование только прошли, – испарина делала Полянского еще более жалким.
- На одном из договоров не было визы юриста. Эдуард Маркович глянул еще раз. На всех есть, а на одном нет. Этот Полянский просто сошел с ума.

- Где виза юристов? – Лоскин опустил на Севу тяжелый взгляд.
- Все завизировано.
- Тут где? – договор, порхнув страницами, полетел в мокрое лицо Севы.
- Все вроде завизировали... и я...
- Что я? Вы понимаете, что вообще делаете? Вы отдаете себе отчет? – перешел на официальный сердитый тон Лоскин.
- Тут н-э-это... – беспомощный человек готовился к казни.
- Что э-э-э? Это у вас уже не в первый раз, Всеволод? Сколько мне еще раз сталкиваться с вашей безалаберностью? Сколько? Прийти к первому лицу в бизнесе с договорами и не проверить все визы? Кошмар! Должность начальника отдела слишком высока для вас. Я официально предупреждаю. Если завтра утром виз не будет – не будет и вас. Понятно?

- Да.
- Что да?
- Д-да, все п-понятно, Эдуард Маркович.
- Идите и имейте в виду.

Полянский с растрепанной пачкой договоров вывалился из кабинета.

Через минуту зашла Лена. На маленьком подносе она несла миниатюрную, кристалльно-белую чашку эспрессо. На блюде три маленьких кусочка сахара. Лоскин посмотрел на секретаршу. Высокая и худая, она была похожа на афганскую борзую. Тощая задница. Грудь нет. Но тонкие и красивые пальцы.

- Вам не надо бы столько пить кофе, Эдуард Маркович, двенадцатая чашка за день.
- Ты поэкономить хочешь на кофе?
- Да нет... На сердце действует.
- Да с вами надо тридцать чашек выпивать... Профаны одни. Элементарного сделать не можете.
- Мы очень стараемся.

Борзая развернулась и пошла к двери. В черных брюках задница вообще не просматривалась.

Лоскин взял ложечку и провел по кофейной пене. Бросил два сахара. Повернулся к шкафу за спиной. Открыл дверцу. Там стояла початая бутылка «Хеннесси» и рюмка с застывшей янтарной капелькой на дне. С прошлого раза. Он налил прямо в шкаф рюмку и залпом

выпил. Хорошо. Все бы хорошо, если бы не эти долбанные прибыли. Надо что-то делать. Только что?

Он придвинул кофе и взял со стола пачку сигарет. В пачке оставалось всего три штуки. Получалось полторы пачки в день, даже больше. Многовато.

Достал зажигалку. Чирк-чирк и вдохнул ароматный дым. Снова запищал телефон секретаря. Лоскин, нехотя, нажал на кнопку.

– Да.

– Эдуард Маркович, на проводе приемная Рейнгольца.

Лоскин резким движением отодвинул, чуть расплескав, кофе. Сигарета полетела в пепельницу. Звонили из приемной одного из самых крупных и важных клиентов. Такие звонки нужно пережить.

– Соединяй.

– Аллю.

– Алеё. Добрый вечер, Эдуард. Как дела?

– Добрый вечер, Борис Всеволодович. Работаем. Как говорится, вашими молитвами.

– С расчетами у вас там сейчас все в порядке?

– Все в порядке, Борис Всеволодович.

– Ты вот что... Нам на следующей неделе нужно будет сделать один платеж. Российскими рублями...

– Все сделаем, Борис Всеволодович...

– Не спеши, Эдуард. Я бы тебе не звонил. Ты должен понять важность момента. Это будет где-то четыреста пятьдесят миллионов. Ты понял?

– Когда?

– Я тебя спрашиваю – ты понял? – голос в трубке напрягся.

– Да, конечно понял. Понял, Борис Всеволодович.

– Вот так... Теперь о «когда». На следующей неделе, вторник-среда... Это важный платеж, Эдуард Маркович, очень важный. И кусками, как было однажды, нас не устроит. Вам понятно?

– Да, конечно понял. Понял, Борис Всеволодович.

– Расчеты по России. Рубли, как всегда за доллары. Что-то голос у тебя усталый?

– Много работаем. Все должно быть под контролем... Борис Всеволодович, сумма очень серьезная, я могу уже начинать подготовку, или пока вы будете окончательно определяться?

– Бля, да ты, Эдуард, можешь вообще ничего не делать, но платеж должен быть...

– Понял. Понял, Борис Всеволодович.

– Детали, заявки и прочее позже. Больше тебе надо отдыхать Эдуард. По голосу слышу – ты устал.

– Все сделаем и отдохнем, Борис Всеволодович.

– Добро. Пока.

Трубка отозвалась короткими гудками. Лоскин аккуратно положил ее на телефонный аппарат. Рука потянулась к сигаретам. Осталось всего две штуки. Закурил. Жадно вдохнул. Выдох. А это выход. При хорошей постановке дела можно было неплохо заработать и хотя бы частично закрыть вопросы. Как-то выровнять положение.

Этот Борис Всеволодович Рейнголец действительно звонил редко. Заместитель генерального директора огромной корпорации обозначал только очень важные вопросы, был вхож в самые высокие банковские кабинеты.

Поэтому имел свой стиль и тон. Лоскину однажды сильно не поздоровилось, когда он разбил большой платеж Рейнгольца на три части. Деньги пришли получателю вовремя, все вроде бы было в порядке и под пристальным контролем. Но по слухам в разговоре с Президентом корпорации получатель с иронией отозвался о трех кусках и предположил о тяжелых

временах для корпорации. Мол, чтобы проверить – все ли в порядке, пришлось брать калькулятор и считать. Президент вставил пистон Рейнгольцу, а тот позвонил Председателю Правления банка и спросил, не настала ли пора корпорации поменять банк. Председатель поставил такой мегапистон Лоскину, что он уже решил, что всё. Приехал. Светила прямая дорога на отдел кадров. Но пронесло. Чудом. Теперь общение с Борисом Всеволодовичем вызывало с одной стороны чувство липкого страха, а с другой – давало шансы закрывать дыры в доходных статьях бизнеса.

Лоскин залпом выпил кофе. Остывший напиток загорчил – нерастворившийся сахар был на дне чашки. Вдавил окурок в пепельницу и закурил последнюю сигарету. Смятая пачка ударилась о край урны и упала на пол. Похер. Где калькулятор? Вот он. Пальцы начали быстро набирать цифры. Опять загнусавил телефон.

– Да.

– Эдуард Маркович, к вам Гринько.

– Я занят.

– Но у нее срочн...

– Зайди, Лена, – в Лоскине начинало просыпаться бешенство. Зашла секретарь и рывком закрыла дверь.

– Я что, не ясно сказал, что занят?

– Но...

– Спрашиваю еще раз, я понятно сказал?

– Да.

– Так вот, повторяю последний раз, что я занят. И что срочно, а что подождет – решаю я! Понятно?

– Да.

– Все... марш на рабочее место.

Лена с недовольным лицом вышла. Было слышно, как она кому-то сердито выговаривает в приемной.

Лоскин какое-то время сидел за расчетами. Все сходилось неплохо. Главное – это цена покупки. Отправная точка – это межбанк. Если дилеры немножко поужмутся, то будет совсем хорошо. Он подумал о Дайнеко. Обязательно нужно договориться с ней. У них были неплохие отношения. Пару раз он просил ее о небольших одолжениях. На новогоднем корпоративе для топ-менеджеров они станцевали пару танцев. Посимпатизировали, так сказать.

Он снял трубку и решил набрать прямой Дайнеко. Глянул на часы. Семь ноль пять. Должна быть на месте. Если нет – то на мобильный, и лично подойдет завтра.

– Алло, здравствуйте, Людмила Николаевна! Это Лоскин.

– Добрый вечер, Эдуард Маркович.

– Людмила Николаевна, у меня есть один серьезный вопрос, хотелось бы его с вами обсудить лично. Можем мы встретиться в ближайшее время?

– Да, конечно, вы хотите сегодня?

– Да.

– Подходите прямо сейчас.

– Окей. Через пять минут я у вас.

Лоскин положил трубку и осмотрелся. Так, где-то должна быть жевательная резинка. Вот она. Освежим дыхание. Что взять? Он достал из стола маленький ключик и открыл им дверцу в шкафу. Там стояли бутылки дорогого алкоголя и неровная стопка коробок с конфетами. Так, возьмем вот эту. Небольшой красивый металлический кейс с конфетами. Он стоил почти сто долларов.

– Лена, мне нужен полиэтиленовый пакет.

– Большой?

– Средний.

Зашла секретарь с пакетом.

– Я сейчас отойду в головной, не знаю на сколько... Будь на месте. Ждете меня с водителем. Понятно?

– Да.

Положив конфеты в пакет, Лоскин вышел на улицу. Конфеты он привез из Австрии и держал именно на этот случай. Дайнеко же, постоянно мотающаяся в Австрию, должна была по достоинству оценить презент. Его бизнес находился в соседнем с головным офисом здании. Нужно было пять минут идти. Дул ветер, в пиджаке было прохладно, если не сказать холодно. Лоскин втянул голову. Ничего, холод помогает мыслям.

Войдя в здание головного офиса, он поднялся на второй этаж, прошел через приемную Председателя, где жеманно поздоровался с дежурным секретарем, и направился к приемной Дайнеко. Открыл дверь, осмотрелся. Приемная была пуста. Секунду помедлив, он без стука открыл дверь. Кабинет у Людмилы Николаевны был маленький, и они сразу встретились глазами.

Лоскин расплылся в улыбке.

– Добрый вечер, Людмила Николаевна!

– Добрый, добрый. Прошу вас.

– Добрый вечер.

В кабинете напротив стола Дайнеко сидел толстяк с пачкой бумаг. Это был Качко.

– Так, все решили, Аркадий. Тогда до завтра.

– До свидания, Людмила Николаевна.

Лоскин не мог разминуться с Качко в узком проходе перед столом. Он отпрянул в угол. Да, кабинет был действительно мал. Качко вышел, а Лоскин расположился на нагретом им стуле и достал из пакета конфеты.

– Недавно был в Австрии по делам бизнеса. Вот, захватил вам маленький презент, – он протянул хорошо ощутимый по весу подарочный кейс.

– О-о! Какая прелесть! Ну что вы, Эдуард Маркович... не стоит... – Дайнеко не без удовольствия взяла коробку, – я знаю эти конфеты, они просто прекрасные.

– Да пустяки... – Лоскин изобразил смущение.

– Я сейчас соображу чайку... Вы что будете? Кофе может быть?

– Да, кофе.

– Марина, это Дайнеко! Сделайте, пожалуйста, зеленый чай и кофе, – она сказала по спикерфону дежурному секретарю в приемной Председателя.

– Людмила Николаевна, я вот к вам с каким разговором. Близится конец первого квартала. Говоря откровенно, с начала года у меня по прибыли бизнеса небольшой провал. Вы знаете этих промышленников. Пока они раскошегятся после Нового года, так уже пора отмечать праздник защиты детей...

Дайнеко заулыбалась.

– Да... – Лоскин продолжал, – по итогам квартала не хотелось бы оправдываться. Вы же знаете – за перевыполнение плана никто спасибо не скажет, а вот за обратное... Но у меня на следующей неделе предстоит достаточно серьезный платеж в российских рублях... Порядка четырехсот пятидесяти миллионов... Нужно будет купить за доллары...

– Так, и что же вы хотите? – лицо Дайнеко приобретало серьезный вид.

– Для меня как никогда сейчас важны комиссионные... – голос Эдуарда Марковича стал тише, – если ваши ребята дадут на такой сумме хороший сбалансированный курс... Вы бы меня выручили, – Лоскин хотел вставить слово «очень», но гордость не позволила.

– Я поняла... – Дайнеко прервала открывающаяся дверь. Принесли чай и кофе.

– Спасибо, – Людмила Николаевна дождалась, пока секретарь выйдет, и стала с помощью маленьких ножниц открывать конфеты. Они были в форме шоколадных шаров разных оттенков. Лоскин тоже взял один шарик. Очень вкусный, с приятной ореховой помадкой внутри. После сладкого шоколада кофе показался пресно-горьковатым. Повисло молчание.

– Очень вкусные, – показала взглядом Дайнеко на коробку.

– Безусловно, всем сейчас нелегко... – молчание Лоскину сейчас было ни к чему, – мы могли бы представить это, в конце концов, как какую-то совместную акцию, если так можно назвать... ну... и я бы за ценой потом не постоял... всякие ситуации бывают.

Дайнеко молчала.

– Хорошо, – вдруг улыбнувшись, сказала она, – я подумаю. Мы, если все получится, будем представлять это как...

– Пример взаимного оперативного реагирования... – Эдуард заиграл словами.

– Да, можно и так... – Людмила Николаевна взяла еще один шоколадный шарик, – но! Мы пока не говорим о каком-то конкретном курсе – я имею в виду банальные цифры... Мы будем его формировать в зависимости от ситуации на рынке. А прогнозы там, сами знаете какие.

– А как у нас с валютной позицией? Доллары есть? Рубли там...

– Все нормально, Эдуард Маркович. С долларами как раз все окей. Куры не клюют. Меня интересует следующее и самое важное...

– Да, да, я весь внимание.

– Ваши корпоративно-промышленные клиенты хоть и редко, но съезжают со сделок.

– Людмила Николаевна, я...

– Ну, это неофициально... но ведь было это? Было. Меня такая ситуация волнует.

– Клиент, о котором говорю я, слов на ветер не бросает. Корпорация «Сапсан Проджект». Вы о ней знаете. У меня сегодня был разговор с одним из первых лиц. Было заявлено, что стопроцентно платеж будет и одной суммой, не так, как тогда... тремя частями.

Лоскин замолчал. Дайнеко отчасти была виновата в том, что тот злополучный платеж отправляли тремя частями. Она тогда позвонила Лоскину и попросила об этом, так как у нее были проблемы с валютной позицией. Он без колебаний согласился, не усматривая в этом проблемы. Но потом, на совещаниях-разборах ничего о Дайнеко и ее просьбе не сказал. Она знала об этом.

– Вы даете гарантию, Эдуард?

– Да.

– Ну, значит, сделаем. Как и кому представить потом наши действия – решим позже. А можно вообще не представлять... Главное – чтобы все получилось.

– Надеюсь.

– Одну секунду, – она потянулась за мобильным телефоном, – сейчас узнаем.

В телефонной книге она нашла фамилию «Игнатьев» и нажала кнопку вызова. В это время Лоскин смаковал конфету. Отхлебнул подостывший кофе. Пауза длилась недолго.

– Алло... скажи мне курс доллар-рубли... а вчера... так, а какие тенденции... так рост или что?.. Мне твои опасения не нужны, какие прогнозы?.. Ладно, все.

Дайнеко нажала кнопку отбоя и бросила взгляд на дисплей.

– С рублем все нормально, – сказала она, – будем держать друг друга в курсе событий, и все получится.

– Ну и прекрасно, Людмила Николаевна, – Лоскин посмотрел на часы, – тогда разрешите откланяться.

– Пока-пока, – улыбнулась Дайнеко.

Лоскин вышел из кабинета, быстро проскочил через приемную Председателя и через несколько мгновений вдохнул холодный воздух набережной. Хотел достать сигареты. Их не

было. Недалеко от банка светился киоск. Купив сигареты, с нетерпением разорвал пачку. Чиркнул зажигалкой. Затянулся.

Ой, не простая эта Дайнеко. Проблем с прибылью у нее никогда не было, и она легко согласилась. И согласилась ли? Вот вопрос. Все туманно. Что она потребует за услугу? Как достало это все. Эти услуги, плавно перетекающие в медвежьих...

Около своего офиса он остановился докурить. Еще пара затяжек. Вдруг неожиданно сильно заболела голова. Пальцами левой руки он начал растирать виски. Пройдет. Щелчком он метнул окурок в урну. Не попал. Уже было совсем темно. Он решил вызвать машину и ехать домой. На сегодня все.

Дайнеко сидела у себя в кабинете и смотрела в темное окно. Она думала о разговоре с Лоскиным. Неплохой он мужик. Не то что его зам Кронберг. Они с Кронбергом не переваривали друг друга. А Лоскин ничего. Надо будет уступить ему пару пунктов в курсе. А потом преподнести Председателю, как профессионально действуют дилеры. Рубль растет. Зайти в «позу» по паре доллар-рубль и замкнуть ее на Лоскине. И всего-то делов. Хотя! Открытие спекулятивных позиций было запрещено. Причем запрещено самим Председателем. Тогда к чему его слова на совещании о Форексном рынке?

Ладно, не в первый раз. Дилерам задачку надо подкинуть, а то сидят там, штаны просиживают. Пусть делают курс, это их работа. А Лоскин будет должен. На будущее. С этими мыслями она набрала мобильный водителя.

– Алло, Николай Семеныч, подъезжайте через десять минут... Да, домой.

Она снова глянула в черное, с тусклыми оранжево-желтыми точками окно и достала из красивой металлической коробки шоколадный шар. Очень вкусный.

Сидел, уставившись в экран телевизора, в этот вечер и Александр Игнатьев. На экране мелькали какие-то новостные сюжеты. Украинская водка заняла первое место на конкурсе алкоголя. Обезврежен преступник. Проигран матч по футболу. Нашими. Саша крутил в руках телефон. Сын возил по ковру большую игрушечную грузовую машину. Старую, которой в детстве еще Саша играл. Мысли, мысли не давали покоя. Что она задумала? Что? В последнее время ни у кого с Дайнеко нормального диалога не получалось. Все сводилось к даче указаний, которые, порой, ничего общего с действительностью и здравым смыслом не имели. Вот и сейчас: «Что с рублем? Что с рублем?» Да ничего... Хорошего... Опять придумала какую-нибудь хрень. А потом разгребать... Ладно, посмотрим. В комнату зашла Таня. Сквозь пелену размышлений до Сани доносились скомканные слова.

– Ты чай будешь? – уже чуть не кричала она, – ты что, не слышишь?

– Что? – как будто очнувшись, раздраженно переспросил Саша. – Что ты хочешь?

– Я спрашиваю – чай будешь? – уже гораздо тише Таня повторила вопрос.

– Да.

Таня вышла и через минуту принесла ему кружку чая, а также печенье на маленьком блюдечке. Саша отхлебнул глоток. Опять начали одолевать мысли. Он убеждал сам себя, что все нормально. Но звонок Дайнеко разрушал и без того плохо складывающийся хрупкий баланс душевного равновесия. Не к добру. Не к добру все это. А что к добру? В последние год-полтора работа представляла сплошную нервотрепку. А от этого устаешь больше всего. Надо бы в отпуск. Развеемся... Спину полечить... Черт, отчего же так накручиваются нервы?..

Саша встал, прошел в прихожую, где в шкафу висели костюмы. Открыл дверцу, пошарил в карманах вельветового пиджака кирпичного цвета. Вот они! Пластинка с маленькими таблетками. Он сколупнул одну и кинул в рот. Сразу очень сильно загорчило. Он прошел на кухню. Быстро плеснул в стакан кипяченой воды и запил. Горечь не прошла. Запил еще. Теперь

все. Он стоял со стаканом и смотрел в темное окно кухни. В доме напротив кипела жизнь – зажигались и гасли огни, мелькали силуэты. У каждого свое.

Через какое-то время таблетка начала действовать. Мысли начали притупляться, захотелось спать. Саша зашел в спальню и лег на кровать. Пошло все к чертям собачьим! Он закрыл глаза. Вдруг вспомнились эти король и тройка бубновые. Дилер, смакуя момент, переворачивает последнюю карту. Фул хаус... Всегда бы так...

Утро пятницы. Как же неохота вставать!!! Организм просит, даже требует: «Лежи, ну полежи хоть еще немного...» Но нужно подниматься. Одно успокаивает и настраивает – впереди вечер и пара выходных. Саша потихоньку встал с кровати. Ломит спину. И все понеслось как всегда... Туалет, умывальник, гардероб, кухня. До чертиков надоел этот обшарпанный подъезд. На улице прохладно, если не сказать холодно. Сели в машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.